

...Лето 1941 года выдалось на редкость жарким, и день 22 июня дождя не обещал. Маша вместе со своими сверстницами работала в поле, сенокос был в самом разгаре. Около полудня в поле прибыл человек из сельсовета. Спешно собрал всех взрослых и девочек и, глядя куда-то в сторону, тихо сказал лишь два слова: “Война началась”. Два слова, но от них что-то дрогнуло в груди, хотя все так же звенели кузнечики в траве, зыбкая синева неба дышала спокойствием. Лица людей враз изменились, женщины заплакали, мужики посуровели. В голове у девушки была одна мысль: “Что же будет завтра, через месяц, через год?”

Назавтра же уходили из Танкеевки мужики на фронт, а уже через месяц полетели оттуда “похоронки”, и почтальона ждали с замиранием сердца—обнесет ли стороной несчастье их дом?

Мария Андреевна Гаврилина, прервав воспоминания, глубоко вздохнула. За окном весна, 76-я весна в ее жизни. Вновь обновляется и молодеет природа, пахнет свежей травой. Когда-то казалось, что молодость не пройдет никогда. С подружками, такими же хохотушками, как и она, пешком ходили к пойменным лугам, что были около Полянок, сгребали сено, таскали снопы, как могли помогали родному колхозу “Рассвет”, а вечерами возвращались усталые домой, взбивая босыми ногами теплую дорожную пыль, успевая за дорогу перепеть немало песен. И вдруг война.

Не миновала горькая чаша утраты и семью Тареевых, а тогда Мария Андреевна была еще Машей Тареевой. В самом начале войны доставил почтальон и им небольшой белый лист, в котором сообщалось, что брат Виктор пал смертью храбрых.

Осиротели многие дома в деревне. Тяжелый сельский труд лег на плечи женщин. Им изо всех сил старались помочь их еще не успевшие вырасти и окрепнуть, но уже повзрослевшие дети. Война вносила свои коррективы.

Маше Тареевой было всего 17 лет, когда ее и еще несколько девушек из села отравили рыть окопы в Буинский район. Сводки с фронта шли неутешительные—наша армия отступала, неся боль-

миrovали, и попала рядовой Тареева в зенитную артиллерию на Ш Украинский фронт. В девятнадцать лет увидеть настоящую войну и не испытать страха просто невозможно. Правда, к этому времени наша армия уже наступала на всех участках фронтов, встречая упорное сопротивление противника. Но за каждый метр отвоеванной родной земли отдавалась чья-то жизнь. И никто из солдат не знал, чей черед настанет завтра. Особен-

бомбежки. Сначала послышался шорох раскидываемой земли, затем прорвался в землянку, чуть было не ставшей братской могилой, лучик света, хлынул поток свежего воздуха. Когда Маша вылезла из завала, то увидела кругом черные воронки. Смерть, подкравшись совсем близко, прошла на сей раз стороной, а для кого-то эта бомбежка оказалась последней...

Военные будни продолжались. Части Ш Украинского фронта освобождали захваченные немцами города, села, хутора. Кругом было все в руинах, сожжено. Не раз думалось тогда, глядя на разоренную землю: “Опустошили страну, как жить будем?” После освобождения территории Советского Союза войска были передислоцированы в Венгрию, а зенитная артиллерия, в которой служила командир отделения Мария Тареева, несла охрану железнодорожного моста через Дунай.

Мария Андреевна вспоминает, как была поражена всем увиденным в Венгрии. Казалось, что попала в другой мир, где как будто и войны не было—ни разрухи, ни бомбежек. Весна сорок пятого под Будапештом была солнечной, благоухающей, по сторонам дорог цвели черешни и сливы. В душе зарождалось ощущение праздника. И праздник этот пришел—долгожданный День Победы. Теперь она уже и не помнит, кто принес эту радостную весть. До сознания еще не до конца доходил смысл слов, пока она сама, глотая слезы и улыбаясь, не проговорила: “Войне конец! Кончилась война, кончилась!”

...По лицу Мариши Андреевны текут тихие слезы, как тогда, майским днем пятьдесят четыре года тому назад. Такая уж она память о войне—всегда с горчинкой и слезой. **Р. Корнилова.**

Память войны с горчинкой...

шие потери. А тут еще как-то был замечен в небе немецкий самолет-разведчик. “Неужели мне суждено здесь встретить войну?”—думала про себя девушка. Однако судьба распорядилась по-другому.

С войной Маше Тареевой пришлось столкнуться вплотную, потому что была она призвана в армию, в далеком подмосковном городке Серпухове училась военному ремеслу. Первый запасной женский стрелковый полк встретил новобранцев по-военному сурово. Учеба не оставила ярких воспоминаний, кроме одного—не покидающего ни на минуту постоянного чувства голода. На обед давали рагу из свекольных листьев и немного хлеба. Все съедалось сразу же, не оставлялось про запас. Жаловаться было некому, к тому же понимали, что всем тогда было трудно, и нужно было найти в себе силы, чтобы перетерпеть все беды.

В 1943 году полк, в котором служила Маша, расфор-

но страшными были бомбардировки с воздуха, а одна из них запомнилась Марии Андреевне особенно. Было это в Винницкой области. После длительного перехода устанавливали зенитки, налаживали связь со штабом. Вдруг неизвестно откуда появились немецкие бомбардировщики, которых узнавали по характерному низкому гулу. Мария одной из первых забежала в укрытие. Через секунду задрожала земля. Свист падающей бомбы заставил сжаться, в мыслях девушка уже прощалась с жизнью. Дальше был сильный грохот, землянку резко трянуло и... внезапная тишина—до звона в ушах.

Никто сразу не понял, что произошло. А когда стало ясно, то все ужаснулись—люди были заживо погребены в землянке, так как узкий вход завалило выброшенной при взрыве землей. Кричать было бесполезно, толща земли не пропускала даже грохота рвущихся снарядов. Их откопали через несколько часов после